

Гу Чэнси почувствовала, как сердце падает в пятки. Стыд и обида подступили к горлу, отчего в носу зашекетало. Она хотела объясниться, но слова застряли. Факты были налицо — что тут объяснишь?

«Прости», — едва слышно прозвучал её собственный голос.

Шэнь Цинчэн даже не взглянула на неё, развернулась, зашла в свою комнату и закрыла дверь.

Стук дверцы о косяк был негромким, но Гу Чэнси он отозвался в сердце, наполняя её и неловкостью, и болью.

Она ужасно жалела. Их отношения с Шэнь Цинчэн только начали налаживаться, а теперь она всё испортила.

...

В комнате Шэнь Цинчэн достала из сумки конверт и бросила его в корзину под столом.

Спустя некоторое время белая рука снова вынула конверт из корзины...

...

За окном проплыла туча, и яркий лунный свет померк.

Гу Чэнси проворочалась всю ночь, беспокойно проваливаясь в сны, где Шэнь Цинчэн раз за разом обвиняла её. Во сне она пыталась оправдаться, но слова не шли. Даже когда её разбудил будильник, в ушах ещё звучал голос из кошмара:

«Я тебя ненавижу!»

Она без энтузиазма поднялась с кровати. На душе было неловко, и она не знала, как теперь смотреть в глаза Шэнь Цинчэн. Посидев на краю кровати, понимая, что тянуть дальше некуда, она тихонько открыла дверь.

В гостиной было тихо. На столе стоял стакан с парящим молоком, рядом лежало яйцо.

А где Шэнь Цинчэн?

Гу Чэнси заглянула в ванную и на кухню — никого. В прихожей на месте стояли тапочки девушки — значит, она уже ушла.

Гу Чэнси вздохнула с облегчением, но тут же нахлынула тоска. Она кое-как умылась и села завтракать. И вдруг заметила неладное: а где посуда, которой пользовалась Шэнь Цинчэн?

Она заглянула на кухню: раковина пуста, в шкафу вся посуда на месте. Неужели та сама всё помыла?

Похоже, Шэнь Цинчэн... совсем не хочет с ней иметь дела.

Позавтракав, Гу Чэнси, опустив голову, побрела в школу. На полпути сзади окликнули:

«Гу Чэнси!»

Это догнала её Ван Синьюэ. Обычно та приходила позже, и они никогда не встречались по

дороге. «Что это ты сегодня так поздно?»

Гу Чэнси не стала рассказывать, что просто тянула время, стыдясь встречи. Пробормотала: «Проспала».

Ван Синьюэ, видя её бледное, уставшее лицо, спросила с беспокойством: «Плохо спала?»

«М-м», — Гу Чэнси не хотела развивать тему и перевела разговор: «Говорят, скоро в школе начнётся месячник мероприятий. Ты в чём-нибудь участвовать будешь?»

Месячник кружков по интересам был ежегодной традицией школы при педагогическом университете. Туда входили концерты, соревнования по дебатам, выставки каллиграфии и живописи, выступления на английском — всё для разностороннего развития учеников. Выпускники, готовящиеся к гаокао, обычно не участвовали, основной движущей силой были первоклассники и второклассники.

«Я... не планирую...» — тихо проговорила Ван Синьюэ, покусывая губу.

Гу Чэнси опешила, тут же поняв, что ляпнула что-то не то.

Ван Синьюэ как-то обмолвилась, что родители развелись, когда она была маленькой. Её кидали, как мячик, от одного к другому. Потом оба родителя снова женились, и в каждой семье родился мальчик. Ни в той, ни в другой семье для неё места не нашлось, и теперь она жила с тётёй. В таких условиях о развитии интересов не было и речи — даже учёбу она тянула сама.

«Да и вообще, всё это не так уж интересно», — попыталась поправиться Гу Чэнси, чувствуя, что утешение звучит неуклюже. К счастью, Ван Синьюэ, кажется, не обратила внимания и быстро пришла в себя.

«А ты?»

«Я-то?» — Гу Чэнси задумалась. «Ещё не решила».

«В чём бы ты ни участвовала, я буду за тебя болеть!» — искренне сказала Ван Синьюэ.

Гу Чэнси улыбнулась ей и кивнула.

Они вошли в класс под звонок на утренние занятия.

В классе сегодня утром стоял необычный гул. Многие оборачивались к задней стене, перешёптываясь.

Гу Чэнси, не понимая, в чём дело, тоже обернулась.

На центральной части задней стены был нарисован портрет. Женщина в белой майке и военных штанах сидела в кабине самолёта. Мускулы на её обнажённых руках были прорисованы чёткими, сильными линиями. Губы плотно сжаты, а в чёрно-белых глазах пылал гнев и бросался вызов. Вся она дышала собранностью, была дерзко и потрясающе красива.

Гу Чэнси в изумлении повернулась к передним рядам. Шэнь Цинчэн сидела, склонившись над учебником, вся во внимании, как и полагается на утренних занятиях.

Неужели она вышла так рано, чтобы нарисовать это? Насколько же сильно она любит эту актрису? Или... просто не хотела меня видеть?

В школе при педагогическом университете царил строгая дисциплина. Хотя стенгазеты всегда делали ученики, обычно там изображали подсолнухи, жизнерадостных учеников или учителей за работой. Внезапное появление такого дерзкого, даже бунтарского портрета всколыхнуло подростков.

«Крутяк!»

«Это кто? Офигенная!»

«Кто нарисовал? Не знали, что у нас в классе такие таланты!»

Смелчаки даже присвистнули. Весь класс наполнился бурлящей юношеской энергией.

...

Первым уроком был китайский. Вёл его учитель Чжан, мужчина лет пятидесяти, он же был классным руководителем. В последние дни он простудился, и, войдя в класс, всё время покашливал. Сделал пару глотков из своей кружки и только потом, охрипшим голосом, скомандовал: «Начинаем урок».

«Встать!»

«Здравствуйте, учитель!»

Обычное «Здравствуйте, садитесь» не прозвучало. Взгляд классного руководителя был прикован к стенгазете на задней стене, лицо выражало полное недоумение.

«Кто это нарисовал? Безобразия!» — его хриплый голос не потерял строгости, а недовольство в нём предвещало бурю.

«Я», — спокойный голос прозвучал с первого ряда.

Классный руководитель не узнал женщину на портрете, решив, что какой-то хулиган изобразил что-то непотребное. Он уже готов был взорваться, но, увидев, что встала Шэнь Цинчэн, слегка смягчился. Раз уж это отличница, дело другое. Грозный тон сменился на более снисходительный: «Такие рисунки... в классе не очень уместны. После урока сотри».

В классе прокатился ропот недовольства. Учитель тут же насупился: «Чего?!»

Шэнь Цинчэн прикусила губу. Ей очень нравился этот персонаж — добрый, справедливый, с сильным характером, и, главное, это была женщина! Поэтому она и нарисовала её. Не ожидала она такой реакции. Хотя и было обидно, спорить она не стала, лишь глухо ответила: «Хорошо».

Вот так просто стереть? Гу Чэнси, стоявшая сзади, возмутилась. Пусть она сама не была фанаткой этого персонажа, но она видела, как Шэнь Цинчэн любит его, раз уж та встала ни свет ни заря, чтобы закончить рисунок. Она закусила нижнюю губу, решив вступить.

Классный руководитель удовлетворённо кивнул: «Садитесь. Сегодня мы будем...»

Все сели. Все, кроме... Гу Чэнси.

Ван Синьюэ, решив, что та не расслышала, тихонько дёрнула её за рукав. Гу Чэнси отстранилась и чётко произнесла: «Учитель, я считаю, что этот рисунок вполне уместен».

Взгляды всего класса мгновенно устремились на Гу Чэнси — удивлённые, восхищённые, завистливые, неодобрительные.

Гу Чэнси проигнорировала их, собралась с мыслями и уверенно продолжила: «Учитель, вы, возможно, не смотрели «Аватар». Это очень положительный персонаж. Люди, желая безжалостно эксплуатировать ресурсы, пытаются захватить планету на'ви и истребить её народ. Эта пилот выступила против такой жестокости. Я считаю, её доброта, чувство справедливости и смелость заслуживают того, чтобы на них равняться».

Эта неожиданная речь застала классного руководителя врасплох. На его полном лице отразилось изумление.

<http://bllate.org/book/15948/1425842>